

A phoenix, a mythical bird that is reborn from its own ashes, is depicted in flight against a dramatic sky. The bird has vibrant orange and yellow plumage and long, flowing tail feathers. It is positioned in the upper right quadrant of the image. The sky transitions from a deep blue at the top to a bright orange and yellow near the horizon, where a city skyline is visible. The city is silhouetted against the bright light of the setting or rising sun. The overall mood is one of hope and renewal.

ПТИЦА СЧАСТЬЯ

Ката Го

Птица счастья

«Автор»

2026

Го К.

Птица счастья / К. Го — «Автор», 2026

Можно прожить много лет, стараясь быть понимающей, сильной и удобной, и однажды обнаружить, что собственные желания стали почти неслышными. Дине тридцать шесть. За плечами десять лет отношений, аборт после мужского «я пока не готов», тело, уставшее приспосабливаться, и расставание, после которого жизнь внезапно перестаёт казаться очевидной. На рассвете, у окна шестнадцатого этажа, Дина видит золотисто-синюю Птицу счастья. С этого момента начинается её возвращение к себе. Она учится слышать тело и различать любовь и зависимость, встречает Пашу. Так появляется «аккредитив ответственности» - попытка заранее разделить материальные риски отношений, не подменяя ими ни любовь, ни участие. «Птица счастья» - роман о близости без самоотмены, цене женской заботы, телесной памяти, материнстве, свободе и способности выбирать новую жизнь, не объявляя старую ошибкой. И о счастье, которое однажды перестаёт зависеть от того, кто находится рядом.

© Го К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 2. Третья неделя.	5
Глава 1. Экстаз	21
Глава 3. Версия Алекса	32

Ката Го

Птица счастья

Глава 2. Третья неделя.

Семь лет назад Дина узнала, что беременна, в туалете между двумя совещаниями.

Место для события такого масштаба было выбрано жизнью без всякого уважения к драматургии: белый кафель, автоматический освежитель воздуха с химическим запахом яблока, урчащая вентиляция и надпись на двери кабинки «Просьба не бросать бумагу в унитаз».

Дина сидела на закрытой крышке и смотрела на две полоски.

Первую она ожидала. Вторая появилась почти сразу, уверенная, яркая, без всяких сомнений в себе.

· Нахалка, - прошептала Дина.

Полоска не отреагировала.

Задержка была небольшой. Дина объясняла её перелётом, нервами, новым проектом, сменой часового пояса и тем, что человеческий организм вообще плохо приспособлен к квартальной отчётности. Тест купила по дороге в офис скорее для порядка. У неё была привычка закрывать гипотезы фактами.

Факт теперь лежал на ладони.

Она достала телефон, открыла календарь, пересчитала дни. Потом пересчитала ещё раз, будто при повторном вычислении организм мог признать арифметическую ошибку.

Не признал.

Дина вышла из кабинки, умыла лицо и посмотрела на себя в зеркало. Та же белая блузка. Те же серьги. Волосы собраны в гладкий хвост. Через двадцать минут встреча с людьми, которые ждали от неё решения по бюджету на следующий год.

Только внутри уже существовало что-то ещё.

Пока почти невидимое. Настолько маленькое, что разум отказывался связывать его с младенцем, коляской, маленькой ладонью и чужим голосом, который когда-нибудь скажет ей «мама». Но тело связало раньше.

Дина положила ладонь на низ живота.

Ничего.

Конечно, ничего.

И всё равно улыбнулась.

Улыбка была такой широкой, что вошедшая коллега остановилась возле раковины.

· Всё хорошо?

· Да.

· Точно?

Дина посмотрела на своё отражение.

· Кажется, очень.

Коллега осторожно кивнула и выбрала дальнюю кабинку. Руководители, счастливо разговаривающие сами с собой в туалете, вероятно, входили в корпоративные риски.

До совещания оставалось восемнадцать минут.

Дина спустилась в аптеку на первом этаже бизнес-центра и купила ещё три теста.

Фармацевт подняла глаза:

· Разные?

· Обязательно.

· Зачем?

- Репликация эксперимента.

Женщина посмотрела на неё, потом на тесты.

- Удачи.

- Вот теперь вопрос, в каком именно направлении.

Второй тест Дина сделала там же. Третьего решила дожидаться дома. После двух положительных результатов статистическая добросовестность начинала переходить в невроз.

Совещание прошло идеально.

Дина говорила про сроки, риски, ресурсы и точки принятия решений. Кто-то спорил, кто-то пытался протаскать дополнительный бюджет, кто-то двадцать минут объяснял проблему, которая решалась одним письмом. Дина слушала, задавала вопросы, делала пометки и чувствовала странное раздвоение.

Одна её часть оставалась здесь, за длинным столом.

Вторая стояла босиком где-то посреди огромного неизвестного пространства и держала ладони раскрытыми.

К концу совещания Дина уже знала: она хочет этого ребёнка.

Мысль пришла без аргументов.

Она могла перечислить сотню причин, почему сейчас неудобно. Карьера входила в новый виток. Алекс недавно говорил о возможной смене работы. Они много путешествовали. Квартира была большая, но детская в ней не предусматривалась. Даже гости размещались в комнате, которую Алекс торжественно называл кабинетом и использовал в основном для хранения спортивной формы.

Можно было составить список рисков.

Но под списком всё равно стояло бы одно слово.

Да.

Дина вышла с работы раньше.

В машине по дороге домой она представляла, как скажет Алексу. Сначала решила купить маленькие носочки, потом возмутилась собственной банальности. Следующим вариантом стала коробка с тестом. Потом записка. Потом ужин. Потом просто слова.

Дома она обнаружила, что Алекс уже пришёл.

Он сидел на кухне в футболке и домашних брюках, что-то читал с ноутбука и ел виноград прямо из большой миски.

- Ты рано, - сказал он.

- Ты тоже.

- У меня встречу перенесли. Будешь?

Он протянул ей виноградину.

Дина взяла, но не съела.

- Что случилось?

- Почему обязательно случилось?

- Потому что ты стоишь в пальто посреди кухни и смотришь на меня так, будто собираешься либо сообщить о наследстве, либо признаться в убийстве.

- Выбирай.

- Наследство.

Дина улыбнулась.

- Почти.

Она достала из сумки тест и положила перед ним.

Алекс посмотрел.

Потом на неё.

Снова на тест.

- Это что?

· Тест на интеллект. Ты проигрываешь.

Он продолжал смотреть.

· Ты беременна?

И именно в эту секунду Дина увидела на его лице радость.

Совсем короткую.

Настоящую.

Она вспыхнула раньше страха. Алекс поднялся, шагнул к ней и обнял так резко, что Дина рассмеялась.

· Подожди, куртку сниму.

· Господи.

Он отстранился, снова посмотрел ей в лицо.

· Ты точно?

· Два теста.

· Два?

· Третий в сумке.

Алекс засмеялся.

· Конечно. Один тест не прошёл внутренний аудит.

· Выборка недостаточная.

Он поцеловал её. Потом вдруг опустил взгляд на живот.

Его ладонь легла поверх Дининой.

Дина замерла.

Вот оно.

Мгновение оказалось настолько полным, что ей захотелось запомнить всё сразу: виноград на столе, открытый ноутбук, его тёплую ладонь, свою куртку, до сих пор застёгнутую под горло, полосу света на паркете.

Она впервые подумала: нас трое.

А потом Алекс спросил:

· А какой срок?

· Очень маленький.

· Насколько?

· Несколько недель.

Его ладонь осталась на месте, но стала другой.

Дина почувствовала это раньше, чем увидела лицо.

· Совсем маленький?

· Да.

· То есть мы ещё...

Он замолчал.

· Что?

· Нет, ничего.

Но радость уже закрывалась.

Не исчезла мгновенно. Скорее отступила куда-то внутрь, уступая место расчёту.

Алекс прошёл к столу и сел.

· Мы же предохранялись.

· Очевидно, не абсолютно.

· Ты ничего не пропускала?

Дина медленно растегнула пальто.

· Нет.

· Точно?

· Алекс.

· Я просто спрашиваю.

· Точно.

Он провёл руками по лицу.

· Ничего себе.

Дина повесила пальто и вернулась.

· Да.

· Ты как?

· Счастлива.

Она сказала это специально.

Ей хотелось поставить слово между ними, прежде чем он успеет заполнить пространство чем-то другим.

Алекс поднял взгляд.

· Счастлива?

· Да.

Он кивнул.

· Хорошо.

Но произнёс это так, словно она сообщила симптом.

Дина села напротив.

· А ты?

· Я не знаю пока.

· Минуту назад знал.

· Минуту назад я охренел.

· Положительно.

· Дин, не дави.

Она откинулась на спинку стула.

· Я спросила, что ты чувствуешь.

· Вот именно. Я пока не понимаю, что чувствую.

Вечер всё ещё можно было спасти. Дина видела это почти физически. Можно было встать, открыть вино, потом вспомнить, что ей теперь нельзя, посмеяться, заказать еду, лечь рядом, проснуться утром и поговорить.

Но Алекс уже открыл ноутбук.

· Ты что делаешь?

· Ничего.

· Ты читаешь что-то.

· Просто смотрю.

· Что?

Он развернул экран.

«Беременность первые недели».

Дина неожиданно рассмеялась.

· Очень романтично.

· Я хочу понимать.

· Я тоже.

· Здесь пишут, что сейчас вообще ещё...

Он остановился.

· Что?

· Ничего.

· Договаривай.

· Что срок настолько маленький, что рано вообще о чём-то говорить.

Дина почувствовала первое слабое сжатие под рёбрами.

- Я уже сказала.
- Что?
- Я беременна.
- Я не спорю.
- Тогда о чём рано говорить?

Алекс закрыл ноутбук.

- О ребёнке.

В комнате стало тихо.

За окном медленно темнело. На соседнем доме зажглись окна. Кто-то сверху передвигал мебель или решил именно сегодня начать новую жизнь с перестановки шкафа.

- А о чём говорить? - спросила Дина.
- О ситуации.
- Ситуация находится у меня внутри.
- Дина, пожалуйста.
- Что?
- Не делай сейчас так, чтобы я сразу оказался плохим.

Она посмотрела на него.

- Я ничего не делаю.
- Ты уже говоришь «ребёнок», «нас трое»...
- Я не говорила «нас трое» вслух.
- Но ты так смотришь.

Дина чуть не улыбнулась.

- Теперь даже взгляд считается давлением?
- Ты понимаешь, о чём я.

Она понимала.

И именно поэтому впервые испугалась.

Не беременности.

Его страха.

В следующие два дня Алекс почти не спал.

Он не требовал решения. Он хотел поговорить.

Постоянно.

За завтраком. В машине. В кровати. По телефону между встречами. В десять вечера. В половине второго ночи, когда Дина уже закрывала глаза.

Сначала разговоры были разумными.

- Мы это не планировали.
- Да.
- У меня сейчас вообще непонятно что с работой.
- Разберёмся.
- Ты сама только вышла на новый уровень.
- И?
- Ребёнок всё изменит.
- Конечно.
- Тебя это совсем не пугает?
- Пугает.
- А выглядит так, будто ты уже всё решила.
- Я решила, что хочу его.

Каждый раз Алекс замолкал после слова «его».

Словно именно местоимение делало всё неприлично настоящим.

На третий день Дина составила таблицу.

Это было сильнее неё.

Она открыла ноутбук, расписала доходы, накопления, возможные расходы, няню, медицину, временное снижение собственной нагрузки, даже приблизительную стоимость детской мебели. Потом добавила колонку «непредвиденные расходы», потому что жизнь особенно любила статьи бюджета с таким названием.

Вечером положила ноутбук перед Алексом.

· Я посчитала.

Он посмотрел на неё настороженно.

· Что?

· Насколько ребёнок уничтожит нашу жизнь.

· Дина.

· Пока получается процентов на двадцать три. Если заложить няню с первого года. Но я ещё не учла подгузники, возможно, катастрофа недооценена.

Обычно Алекс любил её такой юмор.

Сейчас даже не улыбнулся.

· Ты правда думаешь, что дело в деньгах?

· Я пытаюсь понять, в чём.

· Во всём.

· Очень удобная единица измерения.

· У меня ощущение, что ты вообще меня не слышишь.

· Я слышу, что ты боишься. Я не понимаю, чего именно.

Алекс резко встал.

· Потому что ты уже там! У тебя уже ребёнок, няня, комната, расчёты! А я узнал три дня назад.

· Я тоже узнала три дня назад.

· Для тебя всё иначе.

· Потому что я беременна?

· Да!

Он выкрикнул это и сразу замолчал.

Дина смотрела на него.

· Алекс, именно поэтому времени у меня меньше, чем у тебя.

· Вот. Опять.

· Что опять?

· Давление.

· Где?

· Во всём, что ты говоришь. «Времени меньше». «Я беременна». «Я хочу ребёнка». Какой у меня вообще остаётся выбор?

Дина медленно закрыла ноутбук.

· Твой.

· Очень смешно.

· Я не шучу.

· Если я скажу, что не готов, я мудака. Если скажу, что готов, хотя не готов, я должен полностью изменить жизнь.

· А я должна полностью изменить тело в любом варианте.

Он отвернулся.

· Это нечестно.

· Что именно?

· Вот это. Ты всё время используешь беременность как последний аргумент.

· Алекс, беременность и есть последний аргумент. Она уже случилась.

В тот вечер он ушёл гулять один и вернулся после полуночи.

Дина лежала в постели, читая одну и ту же страницу.

Алекс лёг рядом, не раздеваясь до конца, повернулся к ней.

· Я люблю тебя.

· Я тоже.

· Я просто не готов.

Она закрыла книгу.

· Когда будешь?

· Не знаю.

· Через год?

· Может быть.

· Через три?

· Дин.

· Мне нужно понимать.

· Почему сейчас обязательно определять всю жизнь?

Она посмотрела на него и вдруг почувствовала страшную нежность. Алекс лежал рядом растерянный, красивый, знакомый до мельчайших движений. Она знала, как он морщит лоб, когда считает в уме, как оставляет ложку в чашке, хотя звук металла о керамику раздражает его самого, как во сне ищет ногой её ступню.

Ей захотелось его успокоить.

И это было первое движение в сторону от себя.

· Хорошо, - сказала она. - Не будем сегодня.

Алекс прижался лбом к её плечу.

· Спасибо.

Через полчаса он спал.

Дина лежала с открытыми глазами.

Внутри неё кто-то продолжал существовать без паузы в разговоре.

На следующий день она позвонила Лине.

Лина ответила шёпотом.

· Я кормлю. Если буду говорить громко, он решит, что пора бодрствовать, а я не готова к такому развитию событий.

Младшему ребёнку Лины было совсем мало, старшему почти два, и последние месяцы её жизнь измерялась не днями, а промежутками между кормлениями и детским сном.

· Я беременна, - сказала Дина.

На другом конце стало тихо.

Потом Лина очень тихо произнесла:

· Охренеть.

Дина засмеялась.

· Наконец нормальная реакция.

· Ты рада?

· Да.

· Тогда поздравляю.

Слова попали точно туда, куда было нужно.

Дина закрыла глаза.

· Спасибо.

· Алекс?

· Не рад.

· Совсем?

· Сначала был.

Лина вздохнула.

- Он всегда сначала реагирует, потом начинает думать и всё портит.
- Ты его хорошо знаешь.
- С восьмого класса. Я видела, как он однажды три дня выбирал, расставаться ли с девуш-

кой, которая уже сама его бросила.

Дина улыбнулась.

- Он говорит, что не готов.
- Верю.
- В смысле?
- В смысле верю, что он правда не готов. Не что тебе надо что-то делать.

Дина молчала.

Лина сразу услышала.

- Дин, я не на его стороне.
- Ты произнесла эту фразу слишком быстро.
- Я на стороне того, чтобы ты не принимала решение из его паники.
- А если он так и не успокоится?

Лина снова замолчала.

В трубке слышалось младенческое сопение.

- Тогда решать тебе.
- Одной?
- Беременна физически ты.
- Очень удобная конструкция.
- Я не сказала, что ответственность только твоя.
- Но решение моё.
- В конечном счёте да.

Дина почувствовала холод.

Именно эта формулировка потом будет преследовать её годами.

Решение твоё.

Как будто условия выбора не имеют значения.

Как будто человек принимает решение в вакууме, где никто не плачет, не угрожает уйти, не объясняет, что его жизнь разрушена, не становится чужим прямо у тебя на глазах.

Лина попросила приехать.

У неё дома было шумно, тепло и пахло молоком. На диване лежал детский плед, на полу машинки, возле кресла стопка пелёнок. Старший ребёнок Лины пытался надеть пластиковое ведёрко на голову.

Дина смотрела на этот хаос и чувствовала зависть такой силы, что стало стыдно.

Лина заметила.

- Не романтизируй. Я сегодня чистила пюре с люстры.
- Как?
- Если бы я знала, как оно туда попало, мне было бы легче.

Дина взяла малыша на руки. Он оказался неожиданно тяжёлым и тёплым. Запах детской головы почти физически ударил в грудь.

Лина села рядом.

- Рассказывай.

Дина рассказала.

Не всё. Уже тогда она начала защищать Алекса от собственного рассказа.

Говорила «он испугался» вместо «он давит».

«Не готов» вместо «просит отказаться».

«Ему тяжело» вместо «я каждую ночь успокаиваю мужчину, пока беременна его ребёнком».

Лина слушала и хмурилась.

- Я могу с ним поговорить.
- Не надо.
- Почему?
- Потому что он скажет, что я подключила тебя для давления.
- Он так и скажет.
- Видишь.
- Но это не значит, что я не могу дать ему по голове.
- Чем?

Лина посмотрела вокруг.

· Выбор большой. Машинка. Поильник. Очень тяжёлый справочник по развитию ребёнка.

Дина улыбнулась.

- Спасибо.
- Всегда пожалуйста. Справочник особенно терапевтический.

Потом они сделали ошибку, которая в тот момент казалась попыткой вернуть контроль. Начали читать.

Как выглядит эмбрион. Что уже сформировано. Что ещё нет. Как врачи называют срок. Какие существуют варианты. Что означает медицинское прерывание. Какие риски. Какие сроки.

Лина быстро закрыла одну страницу.

- Нет.
- Что?
- Там картинки.
- Открой.
- Не надо.
- Лина.

Она открыла.

Дина смотрела на экран и чувствовала, как язык раскалывает реальность надвое.

Эмбрион.

Беременность.

Клетки.

Ребёнок.

Медицинское прерывание.

Аборт.

Ни одно слово не было ложью.

Но каждое меняло то, что становилось возможным сделать дальше.

- Мы ищем информацию или разрешение? - спросила Лина.

Дина посмотрела на неё.

- Разницу.

Вечером Алекс впервые заплакал.

Не тихо.

Не красиво.

Он ходил по спальне, то садился, то снова вставал, говорил слишком быстро. Дина никогда не видела его таким.

· Ты понимаешь, что я не смогу? Я просто не смогу сейчас. Я просыпаюсь и думаю только об этом. У меня сердце колотится. Я вообще работать не могу.

· Я тоже думаю только об этом.

· Но ты хочешь!

· Да.

· Тебе проще.

Дина смотрела на него, не понимая.

· Мне проще?

· У тебя хотя бы есть ответ.

Он сел на край кровати и закрыл лицо руками.

· Я плохой человек, да?

· Я этого не говорила.

· Но думаешь.

· Я думаю, что ты боишься.

· Я не просто боюсь. Я знаю себя. Я буду ужасным отцом.

· Почему?

· Потому что не хочу сейчас им быть!

Голос сорвался.

Дина вздрогнула.

Алекс увидел это и сразу стал тише.

· Прости.

Он подошёл к ней.

· Я просто... Дин, я тебя люблю. Очень. Но если ты сейчас оставишь ребёнка, я не знаю, смогу ли остаться.

Мир сузился.

Не громко.

Без спецэффектов.

Просто всё, что находилось вокруг, отступило, и осталась одна фраза.

· Ты уйдёшь?

· Я не знаю.

· Это значит да?

· Не заставляй меня сейчас отвечать.

· Ты только что ответил.

· Я сказал, что не знаю!

· Если я оставлю ребёнка, ты уйдёшь.

· Я не угрожаю.

· А что ты делаешь?

Алекс вскочил.

· Господи, опять! Ты всё переводишь так, будто я тебе пистолет к голове приставил! Я честно говорю, что чувствую. Что мне делать? Врать?

Дина молчала.

· Я не могу пообещать то, чего не чувствую, - продолжал он. - И ты ведь сама не хочешь, чтобы ребёнок рос с отцом, который его не хотел.

Вот тогда Дина впервые увидела ловушку целиком.

Если оставить ребёнка, она якобы сознательно выбирает ему плохого отца.

Если прервать беременность, решение остаётся её.

Алекс в обоих вариантах сохраняет право быть честным.

Она отвернулась.

Он подошёл сзади и обнял.

· Дин.

Она стояла неподвижно.

· Я испугался, - сказал он. - Я просто очень испугался.

Эти слова потом много лет будут работать как универсальное объяснение.

Он испугался.

Будто страх освобождал человека от ответственности за всё, что он делал внутри него.

Мать отреагировала иначе.

Дина поехала к ней через два дня.

Матери было сорок девять. Она встретила дочь с контейнерами еды, потому что считала, что любое жизненное событие легче переносится после супа.

· Ты похудела.

· На килограмм.

· У тебя лицо осунулось.

· Я беременна.

Мать замерла с половником.

Суп тонкой струйкой стекал обратно в кастрюлю.

· Что?

· Я беременна.

· Господи.

Не радость.

Не страх.

Что-то старое.

Дина увидела, как мать мгновенно перестала быть сорокадевятилетней женщиной и стала двадцатилетней девушкой, которой когда-то сказали то же самое.

· Алекс знает?

· Да.

· Что говорит?

· Не готов.

Мать закрыла глаза.

· Только не это.

Дина почувствовала надежду.

Может быть, именно мать поймёт.

Но следующая фраза уничтожила её.

· Не повторяй мою ошибку.

Дина положила ложку.

· Какую?

· Я тоже думала, что справимся. Что ребёнок всё изменит.

· Я не думаю, что ребёнок изменит Алекса.

· Все так думают.

· Мам, я хочу ребёнка.

· Я тоже хотела тебя.

Дина замолчала.

Мать села напротив.

· Мне было двадцать. Твой отец вообще жениться не собирался. Потом женился, потому что я беременна. И что хорошего?

· Я не прошу Алекса жениться. Мы живём вместе три года.

· Это ничего не гарантирует.

· Я знаю.

· Потом начнётся. Ты будешь дома, он на работе. Ты уставшая, он раздражённый. Деньги. Болезни. Бессонные ночи.

· У нас есть деньги.

· Дело не только в деньгах.

· Тогда в чём?

Мать посмотрела на неё с раздражением.

· В том, что ребёнок не удержит мужчину.

· Я не собираюсь удерживать мужчину ребёнком.

· Я тоже так говорила.

· Мам!

· Что? Я хочу тебя уберечь.

· От чего?

Мать ответила не сразу.

· От моей жизни.

И в этой фразе была любовь.

Дина слышала её.

Но рядом с любовью существовало другое.

Если материнская жизнь оказалась ошибкой, а началась эта ошибка с беременности, то где внутри этой истории находилась сама Дина?

Мать словно почувствовала вопрос.

· Не смотри на меня так. Я не говорю, что жалею о тебе.

· Ты говоришь, что если бы думала головой, твоя жизнь сложилась бы иначе.

· Конечно, сложилась бы. Это факт.

· Без меня.

· Дина, господи! Вот умеешь ты вытащить самое болезненное и ткнуть туда пальцем.

· Я просто закончила твою мысль.

· Ты мой ребёнок. Я тебя люблю больше жизни.

И почти сразу:

· Именно поэтому не хочу, чтобы ты повторила мою судьбу.

Дина уехала через час.

Контейнер с супом мать всё-таки сунула ей в машину.

Любовь могла одновременно обвинять тебя в собственном существовании и проверять, взяла ли ты еду на завтра.

Дина сидела за рулём и плакала.

Телефон завибрировал.

Алекс.

Она не ответила.

Через минуту пришло сообщение:

«Я люблю тебя. Давай примем взрослое решение».

Взрослое.

Разумное.

Совместное.

Все слова указывали в одну сторону.

Через неделю Дина записалась в клинику.

Алекс сказал:

· Ты уверена?

Она посмотрела на него.

Впервые за всё это время он произнёс правильный вопрос.

Слишком поздно.

· Нет.

Он побледнел.

· Тогда не делай.

Дина почувствовала почти ярость.

· И что дальше?

· Не знаю.

· Ты останешься?

Алекс молчал.

· Вот именно.

· Дин, я не хочу, чтобы ты потом говорила, что сделала это из-за меня.

Она рассмеялась.

Смех вышел неприятным.

· Отлично.

· Что?

· Даже сейчас тебе важно не что со мной будет, а что я потом про тебя скажу.

· Это несправедливо.

· Возможно.

· Я правда не хочу тебя заставлять.

· Тогда скажи, что останешься.

Он не сказал.

В клинику с Диной поехала Лина.

Утро было серым, мокрым, обычным. Люди шли на работу. Кто-то ругался возле парковки. Курьер тащил огромную коробку. Женщина в красной шапке говорила по телефону и смеялась.

Дину раздражало, что мир не остановился.

Ей хотелось хотя бы небольшого официального объявления.

«Сегодня у Дины исчезнет будущее, которое она успела полюбить. Просьба вести себя соответственно».

Вместо этого в регистратуре попросили паспорт.

Потом документы.

Потом подождать.

На стене висела репродукция какого-то морского пейзажа. Очень синего. Вероятно, кто-то решил, что море успокаивает женщин вне зависимости от причины посещения.

Лина сидела рядом.

· Я могу написать Алексу, - сказала она.

· Зачем?

· Не знаю.

· Тогда не пиши.

Лина кивнула.

Через несколько минут спросила:

· Ты хочешь уйти?

Дина посмотрела на дверь.

Да.

Всем телом.

Она хотела встать, выйти, выключить телефон, уехать туда, где никто не знает ни Алекса, ни её мать, ни слово «готов».

Но вместе с этим желанием существовал страх.

Вернуться домой.

Увидеть его лицо.

Ждать, уйдёт ли он.

Рожать ребёнка, зная, что его отец хотел другого исхода.

Навсегда стать для Алекса женщиной, которая заставила его быть отцом.

Навсегда стать для матери повторением её жизни.

Дина закрыла глаза.

· Нет.

Лина взяла её за руку.

· Это не звучало как «нет».

· Я знаю.

Когда Дину позвали, она поднялась.

Все документы подписала сама.

На вопросы врача отвечала сама.

Первую таблетку взяла сама.

Несколько секунд держала её в ладони.

Маленькая.

Белая.

Ничем не отличалась от сотен таблеток, которые люди ежедневно принимали от головы, аллергии, давления, бессонницы.

Лина стояла рядом.

Дина посмотрела на неё.

· Если я сейчас не выпью?

· Тогда не выпьешь.

· Алекс уйдёт.

· Возможно.

· Мама скажет, что я сумасшедшая.

· Скорее всего.

Дина улыбнулась сквозь слёзы.

· Удивительно поддерживающий ты человек.

· Стараюсь не врать.

Дина посмотрела на таблетку ещё раз.

Потом проглотила.

Сама.

Позже именно это слово станет главным.

Сама записалась.

Сама подписала.

Сама взяла.

Сама проглотила.

Юридически, медицински и физически между пальцами Алекса и таблеткой не существовало никакой связи.

Только несколько недель разговоров, слёз, угрозы ухода, чужого страха, материнской судьбы и невозможности найти вариант, в котором Дина не теряла кого-то.

Через два дня всё закончилось.

Физическая боль пришла волнами. Дина лежала, свернувшись, потом ходила в ванную, потом снова ложилась. Лина была рядом почти всё время. Алекс писал.

«Как ты?»

«Ответь, пожалуйста».

«Я приеду, если хочешь».

Дина не хотела.

В какой-то момент она сидела на полу ванной и смотрела на собственную кровь.

Именно тогда впервые пришла мысль, которую она будет запрещать себе семь лет.

Я не хотела этого.

Не «я сомневалась».

Не «так было разумнее».

Не «мы решили».

Я не хотела.

Мысль оказалась настолько страшной, что Дина немедленно закрыла её.

На следующий день она вышла на работу.

Дина пыталась отговорить.

· Возьми хотя бы пару дней.

· Мне лучше работать.

· Дин.

· Правда.

Работа была местом, где причины имели следствия, сроки можно было перенести, ошибки исправить, а ответственность распределить по фамилиям.

На совещании Дина была безупречна.

Она увидела ошибку в расчётах, задала три неприятных вопроса, сократила встречу на двадцать минут и даже пошутила, когда один из коллег в третий раз предложил «вернуться к этому стратегически».

· Мы уже два раза возвращались стратегически. Давайте третий раз попробуем результативно.

Все засмеялись.

После встречи руководитель задержал её у двери.

· Ты машина.

Дина улыбнулась.

· Спасибо.

В туалете её вырвало.

Она умылась, поправила волосы и вернулась к работе.

Алекс пришёл вечером.

С цветами.

Дина долго смотрела на букет, прежде чем открыть дверь полностью.

· Можно?

Она пропустила.

Он поставил цветы на кухне, потом обнял её. Сначала осторожно, потом крепче.

Дина не ответила, но и не отстранилась.

Алекс плакал.

Она впервые видела, как он плачет по-настоящему. Не влажные глаза, не красивую мужскую сдержанность, а лицо, потерявшее форму.

· Прости меня.

Дина закрыла глаза.

· Я испугался.

Она молчала.

· Я не знал, что так будет.

Что именно, он не уточнил.

Больно.

Пусто.

Тихо.

Что Дина перестанет отвечать.

Что квартира без неё окажется не домом.

Что после принятого решения облегчение почему-то не придёт.

Алекс опустился перед ней на колени и прижал лицо к её животу.

К тому месту, которого последние недели боялся.

Теперь там было пусто.

Дина смотрела на его волосы.

· Я хочу детей, - сказал он.

Она почти перестала дышать.

· Что?

· Хочу. Просто испугался. Я идиот. Я всё испортил.

Внутри поднялась надежда, такая сильная, что стало больнее, чем прежде.

· Когда?

Алекс поднял голову.

· Что когда?

· Когда ты хочешь детей?

Он замер.

Всего на секунду.

Но Дина заметила.

· Не завтра, конечно. Нам надо прийти в себя. Наладить всё.

· Сколько?

· Дин, давай не будем сейчас превращать это в срок.

· Год?

· Возможно.

· Два?

· Я не знаю.

Он встал, взял её лицо в ладони.

· Но я хочу семью с тобой. Понимаешь? С тобой.

И Дина очень хотела понять именно это.

Потому что другая версия требовала признать невыносимое: она только что отказалась от ребёнка ради мужчины, который может никогда не захотеть следующего.

Поэтому она выбрала версию Алекса.

Он испугался.

Они поторопились.

Сейчас было неподходящее время.

Позже будет иначе.

Ночью Алекс спал рядом, прижавшись к ней всем телом, словно боялся, что она исчезнет.

Дина не спала.

На тумбочке лежала новая упаковка контрацептива.

Врач сказала начинать по схеме после восстановления. Дина долго смотрела на маленькие кружки под фольгой.

Потом взяла телефон и поставила ежедневное напоминание.

21:00.

«Таблетка».

Система послушно спросила:

«Повторять каждый день?»

Дина нажала «Да».

Всего на время.

Пока они не придут в себя.

Пока Алекс не будет готов.

Пока не наступит правильный момент.

Рядом спал любимый мужчина.

В телефоне появился первый день семилетнего напоминания.

Глава 1. Экстаз

Валенки полетели первыми.

Один сразу исчез между этажами, мелькнув красным пятном на фоне серого дома напротив. Второй ударился о наружный блок кондиционера, перевернулся и остался лежать на узком металлическом козырьке, словно передумал умирать раньше хозяйки.

Дина сидела на подоконнике лестничной площадки шестнадцатого этажа и смотрела, как первые лучи восходящего солнца касаются стёкол соседних многоэтажек. В отражениях медленно разливался светлый, тёплый мёд. Рассвет был почти миражом для столицы, где зимой небо срасталось с землёй серыми швами туч, и потому каждое утро с солнцем можно было считать маленьким чудом. Сейчас Дина принимала его как письмо, вложенное в небо именно для неё, хотя адресат, судя по обстоятельствам, собирался выбыть до получения.

В длинной белой пижаме из тонкого шёлка и кружевном кимоно с широкими рукавами она слишком контрастировала с пыльным подъездным окном, облупленной краской и чужим окурком в углу. Казалась световой голограммой, случайно осевшей на подоконник между пятнадцатым и шестнадцатым этажами. Снег касался босых ступней, уже переставших чувствовать холод, а Дина с почти детским любопытством наблюдала, как шёлк на коленях вспыхивает жемчужным блеском в такт дыханию солнца за облаками.

Туч было так много, что не верилось, будто свету вообще удастся вырваться наружу. Но он всё же пробивался, тонкий и настойчивый, медленно скользил по фасадам, заново рисуя их очертания. От его прикосновения серые многоэтажные глыбы начинали дышать, бетон становился чуть мягче, окна вспыхивали одно за другим, и дома, ещё минуту назад похожие на огромные надгробия, возвращались к жизни.

«Мы с домами просветляемся», - подумала Дина и улыбнулась.

Улыбка была слабой и совершенно не соответствовала ситуации.

Несколько минут назад она собиралась умереть.

Не в привычном смысле, когда человек пишет подруге «всё, больше не могу», а через пять минут заказывает доставку и ставит телефон на зарядку. Дина действительно поднялась на последний этаж, дёрнула дверь, ведущую к чердаку, обнаружила новый замок, спустилась на одну площадку, распахнула окно и села на подоконник. Подвинулась ближе к краю, опустила ноги наружу и почувствовала, как пушистые валенки соскальзывают один за другим.

Крыша оказалась закрыта. Дом, видимо, был лучше подготовлен к её смерти, чем она сама.

Тело уже подалось вперёд, когда внутри прозвучал вопрос:

«Зачем ты хочешь всё прекратить, даже не попытавшись поменять?»

Голос был её собственным и одновременно чужим. Не ангельским, не торжественным, не исполненным высшей мудрости. Скорее раздражённым, как у человека, который несколько часов наблюдал за неверным решением задачи и наконец не выдержал.

Дина вцепилась в оконную раму. Одна ступня сорвалась ниже, живот резко свело, запоздалый страх ударил в грудь. Она подтянулась, отодвинула бёдра от края и замерла, тяжело дыша.

И тогда увидела свет.

Теперь, когда всё уже почти закончилось, она жадно смотрела на него и пыталась понять, что именно удержало её внутри жизни. Вопрос? Страх? Невовремя закрытая крыша? Или первый луч, прорезавший тучи и коснувшийся окна дома напротив?

Скорее всего, луч плюс адреналин.

Математическое образование и логический склад ума немедленно предложили эту версию, аккуратную и вполне достаточную. Свет преломился в стекле, прошёл сквозь морозную

дымку, соединился с синевой зимнего утра, а мозг, измученный бессонницей и отчаянием, собрал из бликов то, чего не существовало.

Золотисто-синюю птицу.

Сначала в воздухе дрогнула тонкая золотая полоса. Синева вокруг неё стала глубже, обрела плотность и движение. Свет раскрылся широкими крыльями, и Дина увидела птицу, словно сотканную из первого луча и остатков ночи. Золотые перья вспыхивали по краям, синее тело почти растворялось в небе, но глаза были тёмными, спокойными и живыми.

Птица ничего не говорила. Не обещала, что всё исправится, не советовала полюбить себя и не предлагала приобрести авторский курс спасения от отчаяния в трёх тарифах.

Она просто раскрыла крылья.

В центре Дининой груди возникло тепло. Не слева, где полагалось находиться сердцу, и не у самой кожи, а глубже, в середине грудной клетки. Тепло разрасталось, проходило сквозь рёбра, раскрывалось вперёд, к городу, и одновременно назад, между лопатками, где годами хранилось напряжение, не замечаемое до тех пор, пока не начало отпускать.

Сначала стало больно, как бывает, когда кровь возвращается в затёкшую руку. Затем внутри будто освободилось огромное пространство. Дина вдохнула и почувствовала воздух не только лёгкими. Он проникал в грудь, спину, живот, руки, поднимался к голове и рассыпался сотнями тёплых искр.

То щемящее чувство бесполезно прожитой жизни, которое два часа назад заставило её рыдать в темноте на кухне, отступило так быстро, будто происходило давно и с кем-то другим. Ничего не изменилось. Алекс всё ещё не хотел ребёнка. Ей всё ещё было тридцать шесть. Десять лет нельзя было вернуть и прожить иначе. Тело не перестало болеть, а врач не позвонила с сообщением, что мигрень, кровотечения и скачки давления были досадным недоразумением.

Но боль внезапно перестала быть всей жизнью.

Рядом с ней существовали свет, воздух, город, нелепый красный валенок на козырьке и огромная золотисто-синяя птица, которая держалась в небе, почти не взмахивая крыльями.

Дина ощущала радость и удовлетворение, похожие на детский восторг или очень хороший секс.

«Даже лучше, - подумала она. - Хороший секс обычно требует второго участника, а здесь потрясающая экономия ресурсов».

Смешок вырвался сам и сразу превратился в всхлип.

Ощущения были настолько настоящими, что хотелось верить: птица действительно возникла в зимнем небе и спасла её. Хотя, возможно, все чудеса так и происходят. Нагромождение в одном месте и времени маловероятных совпадений. Первый луч, отражение в стекле, три бессонные ночи, закрытая крыша, сорвавшиеся валенки, адреналин и вовремя заданный вопрос.

То ли чудо, то ли случайность.

Птица исчезла незаметно. Не взмахнула крыльями и не растворилась в сиянии. Просто в какой-то момент её уже не было. Остались золотые окна, синее небо и странное движение за спиной, словно там долго находилось что-то сложенное, а теперь впервые попробовало расправиться.

Босые ноги замёрзли окончательно. Дина осторожно подтянула их внутрь. Стоять получилось не сразу, колени дрожали, ступни почти не слушались, кимоно зацепилось кружевом за оконную ручку, и несколько секунд она беспомощно дёргалась, привязанная к месту несостоявшейся смерти дорогой итальянской вещью.

Прекрасно, - пробормотала Дина, отцепляя рукав. - Даже уйти из жизни без ущерба гардеробу не получилось.

Спускаясь на свой этаж, она держалась за перила. Ступени отзывались под ногами тихими ударами, похожими на пульс. С каждым шагом возвращались ощущения: покалывание, боль, холод. Обыденность собирала её обратно по частям.

Дверь в квартиру открылась бесшумно.

Три недели назад Алекс уехал отсюда с двумя чемоданами, коробкой книг и выражением человека, которого лишили законного имущества без суда и уведомления. Квартира принадлежала Дине задолго до их встречи, но за десять лет он привык говорить «наш дом», «наша спальня», «наша кухня» и «наш диван», особенно если речь шла о чём-то приятном. Неудобное оставалось Дининым: её здоровье, её тревога, её возраст, её желание иметь ребёнка.

После отъезда Алекса пространство не опустело. Оно обнажилось.

На стене осталось светлое пятно от его фотографии. На полке пылился штопор, который он выбирал полтора часа, потому что «вещи для удовольствия не терпят суеты». В ванной стоял запасной флакон его шампуня, пахнувший хвоей. В нижнем ящике лежали мужские носки, не замеченные при сборах. Десять лет нельзя было упаковать в два чемодана, они продолжали обнаруживаться в самых неподходящих местах.

Телефон на кухонном столе вспыхнул.

Алекс.

За ночь пришло девять сообщений. Первые были нежными.

«Дин, ответь. Я переживаю».

Следующие разумными.

«Мы десять лет вместе. Нельзя перечеркнуть всё после одного разговора».

Потом раздражёнными.

«Ты опять доводишь ситуацию до абсурда».

Последнее снова звучало заботливо:

«Я понимаю, что тебя напугали врачи. Но нельзя принимать решения в таком состоянии».

Он умел заключить любую Динину реальность в слова, после которых она сама начинала сомневаться, действительно ли находилась внутри неё.

Обрывки последнего разговора всплыли вместе с холодом в ногах.

«Я больше не буду принимать таблетки».

«Что значит не будешь?»

«Именно это. Не буду».

«После десяти лет ты решила внезапно изменить правила?»

«Не я решила. Моё тело».

«Тогда подбери другой препарат».

Она подбирала. Один вызывал кровотечения, на другом голова раскалывалась так, что перед глазами возникали мерцающие зигзаги, третий превращал каждый месяц в лотерею, где призом становился день без боли. Последняя врач говорила спокойно, не драматизируя. Старые препараты продолжать нельзя. Новый тоже не подошёл. Можно обсуждать другие способы.

Дина обсудила.

«Ты знаешь, что я не люблю презервативы».

«Я не люблю кровоточить по две недели».

«Почему из-за твоих проблем со здоровьем страдать должен я?»

А потом, когда она спросила о ребёнке, прозвучало знакомое:

«Я не готов».

Семь лет назад он тоже был не готов. Тогда они прожили вместе три года, и срок беременности был совсем маленьким. Настолько маленьким, что окружающие легко находили слова, превращающие ребёнка в неточность, задержку, скопление клеток и медицинскую проблему, которую можно устранить до того, как она успеет стать настоящей.

Алекс говорил, что просит только немного времени.

Потом вернулся с цветами, плакал, прижимался лицом к её животу, уже пустому, и обещал, что позже они обязательно станут родителями.

Семь лет спустя его «позже» всё ещё не наступило.

Зато наступили мигрень, давление, кровь между циклами и день, когда Дина впервые увидела всю конструкцию целиком. Его право не хотеть ребёнка оставалось неприкосновенным. Ответственность за то, чтобы ребёнок не появился, помещалась внутрь её тела. Когда тело отказалось поддерживать прежний порядок, виноватой оказалась она.

Алекс считал, что Дина ушла из-за одной неудачной фразы.

Дина тоже хотела бы так считать. С одной фразой можно было разобраться, простить её, объявить сказанной в раздражении. Значительно труднее было признать, что фраза лишь осветила десять лет, как вспышка освещает комнату, в которой давно живёшь и впервые замечаешь трещины.

Телефон снова загорелся.

«Я приеду вечером. Нам надо поговорить».

Дина перевернула его экраном вниз.

Несколько часов назад она плакала именно здесь, на кухне, сидя на полу у стеклянного шкафа. Не потому, что Алекс ушёл. Она сама попросила его уйти. Не потому, что разлюбила. В этом и заключалась проблема: она продолжала любить человека, рядом с которым больше не могла оставаться, не предавая себя.

Дина не хотела умереть из-за мужчины.

Она не понимала, как жить дальше, признав, что семь лет ожидала ребёнка от человека, который семь лет надеялся, что её желание пройдёт.

Не понимала, как смотреть на своё тело и не видеть в нём изношенный механизм, который слишком долго обслуживал чужой страх.

Не понимала, кем станет без отношений, занимавших почти треть её жизни.

Не понимала, как объяснить матери, что ушла от хорошего, образованного, непьющего мужчины, который любил её и всего лишь не хотел детей, презервативов и последствий собственных решений.

Ей казалось, что впереди нет ни одного пути, на котором не пришлось бы отказаться от какой-то части себя.

Теперь путь всё ещё не появился. Но в теле сохранилось тепло, словно маленькая золотая точка продолжала гореть в самой середине груди.

Дина не стала отвечать Алексу. Прошла в спальню, сбросила мокрое кимоно и нырнула под одеяло. Бессонница исчезла вместе с отчаянием. Сон пришёл сразу, плотный и ласковый.

Ей снилась птица.

Она стала огромной, почти космической. Золотые перья вспыхивали, как праздничный салют, синие растворялись в звёздном пространстве, и невозможно было понять, где заканчиваются крылья и начинается небо. Птица летела рядом с Диной, а потом их движения соединились. Не Дина сидела на её спине, не птица несла её. Они стали одной светящейся спиралью, проходили между звёздами, ныряли в золотистые потоки и снова поднимались.

Тёплая волна рождалась внизу живота, медленно проходила через всё тело, раскрывала грудь и пространство между лопатками, рассыпалась в голове сотнями фейерверков. Дина смеялась во сне. Ей было легко, тихо и почти неприлично хорошо.

Проснувшись она с ощущением, будто всё ещё летит.

Свет двигался по стене спальни. Простыни пахли лавандой, тело отзывалось не болью и не тяжестью, а гладью, тёплым остатком сна. Дина посмотрела на часы. Она проспала чуть больше трёх часов, но чувствовала себя так, словно вернулась из отпуска, где никто не писал в

рабочий чат, не просил срочно согласовать бюджет и не объяснял, почему её здоровье создаёт неудобства окружающим.

Чудеса продолжают, - сказала она потолку. - Осталось понять, что именно теперь менять.

Поскольку ничего крупного и судьбоносного в голову не пришло, Дина решила начать со шкафа. Это было слабее новой жизни, но заметно проще в реализации.

Она открыла створки. Пальто висели по длине, блузки переходили от слоновой кости к ночному синему, платья были распределены по степени официальности. Каждая вещь знала своё место, словно подписала с хозяйкой контракт о порядке и персональной ответственности.

В нижней части шкафа стояла папка с документами. Дина вытащила дипломы, сертификаты, старые рекомендации и папку с надписью «Личное», в которой хранилось всё, для чего не нашлось подходящего рабочего раздела.

Из красного диплома выпал сложенный вчетверо лист.

Потрёпанные края, карандаш, крупный детский почерк.

«Мои цели».

В одиннадцать лет Дина уже умела составлять планы. Это многое объясняло и слегка пугало.

Стать руководителем.

Объехать весь мир.

Купить квартиру.

Выучить английский.

Написать книгу.

Родить троих детей.

В сорок лет преподавать йогу в собственном центре в горах у моря.

Дина перечитала последнюю строчку дважды.

Ага, - сказала она. - Я, железная леди, руководитель с большой буквы «р-р-р-р», повелительница совещаний и учитель йоги в горах.

Смех пришёл неожиданно. Сначала короткий, затем всё сильнее. Она смеялась над серьёзностью одиннадцатилетней себя, над центром в горах, над морем, которое непременно должно было находиться рядом, и над тем, что до сорока оставалось четыре года, а проект очевидно выбился из графика.

Слёзы брызнули из глаз. В боку закололо так, что пришлось сесть на пол.

Большая часть списка была выполнена. Дина приехала в столицу без денег и связей, закончила университет, сделала карьеру, руководила большим департаментом и зарабатывала достаточно, чтобы не спрашивать цену вещей, которые ей действительно нравились. Она любила работу, а работа отвечала взаимностью, хотя любовь эта регулярно требовала двенадцатичасового присутствия и периодически звонила по выходным.

Дина путешествовала, ходила в театр, на концерты и выставки. Добавляла по одному дню к праздникам, выезжала в аэропорт прямо из офиса, работала из залов ожидания, спала в самолётах и чистила зубы в общественных туалетах.

«Хороший тайм-менеджмент и никакого волшебства», - говорила она, когда знакомые удивлялись, как она всё успевает.

Теперь выяснилось, что волшебство всё-таки нашло её. Просто выбрало сомнительное место и крайне нервную форму знакомства.

Телефон зазвонил.

Мама.

Дина посмотрела на экран и едва не сбросила звонок, но всё же ответила.

Ты дома? - спросила мать без приветствия.

Дома.

Алекс мне звонил.

Конечно.

Зачем?

Переживает. Говорит, ты опять не отвечаешь. Дина, нельзя так обращаться с человеком, с которым прожила десять лет.

Я попросила его не звонить тебе.

А кому ему звонить? Ты его выгнала из дома.

Из моей квартиры.

Вот поэтому у тебя всё и рушится. Ты всё делишь на своё и чужое. Семья так не строится.

Дина посмотрела на детский список. «Родить троих детей» было написано особенно старательно, с обведённой буквой «т».

Мам, я не хочу сейчас это обсуждать.

Конечно. Ты никогда ничего не хочешь обсуждать, когда речь идёт не о твоих желаниях.

О чьих желаниях мы говорим?

Алекс говорит, что врачи тебя напугали, ты прекратила пить таблетки и поставила ему ультиматум насчёт ребёнка.

Дина закрыла глаза.

Версия Алекса уже успела одеться, позавтракать и добраться до матери раньше неё.

Я не могу продолжать их принимать.

Сейчас столько препаратов.

Мне не подходят.

Все?

Те, которые я пробовала.

Значит, есть другие способы.

Есть. Алекс их не любит.

Мать помолчала.

Мужчины действительно не любят презервативы.

А женщины обожают мигрень и кровотечения. Просто редко признаются.

Зачем ты со мной так разговариваешь? Я пытаюсь помочь.

Чем?

Сохранить твою семью. Я всю жизнь мечтала, чтобы у тебя всё получилось иначе, чем у меня.

Дина почувствовала, как между лопатками снова собирается знакомый зажим.

У нас с Алексом нет детей, потому что он их не хочет.

Ребёнка нельзя требовать. Я родила тебя, когда твой отец был не готов. И чем это закончилось?

Эта история имела десятки вариантов, но итог всегда оставался одним. Мать вышла замуж из-за беременности. Отец оказался плохим мужем. Она терпела ради дочери. Развелась слишком поздно. Не построила карьеру. Не встретила другого мужчину. Всё это каким-то образом начиналось с рождения Дины, хотя Дина в тот момент не умела ни принимать решения, ни подписывать брачные договоры.

Мам, ты сама решила выйти за него замуж.

Конечно. Теперь я во всём виновата.

Я этого не сказала.

Ты никогда не говоришь прямо. Ты так выворачиваешь, что человек сам чувствует себя виноватым.

Дина почти рассмеялась. Формулировка была настолько совершенной, что её хотелось записать и подарить Алексу на профессиональный праздник.

У тебя всё хорошо? - спросила она вместо ответа.

Мать сразу смягчилась.
Давление с утра поднялось. Из-за вас не спала всю ночь.
Знакомое движение началось мгновенно. Спросить цифры, уточнить таблетки, предложить приехать, отвезти к врачу, забыть о собственном утре.
Дина посмотрела на золотой свет, ползущий по полу.
Если давление не снижается, вызови врача.
Я уже приняла лекарство.
Тогда лежи.
И всё?
А что ещё?
Ничего. Я привыкла справляться одна. Всю жизнь одна.
Дина почувствовала усталость, но вместе с ней сохранилось маленькое тёплое пространство в центре груди. Впервые оно не требовало немедленно спасать мать, чтобы доказать любовь.
Я позвоню вечером, - сказала она.
Алекс хочет приехать.
Я не хочу его видеть.
Хотя бы поговори с ним по-человечески.
Я уже говорила. По-человечески он не услышал.
Она завершила разговор раньше, чем мать успела ответить.
Через минуту пришло сообщение:
«Я всё равно люблю тебя, даже когда ты ведёшь себя жестоко».
Дина прочитала его дважды.
Любовь там была. Настоящая.
И рядом с ней уже стоял маленький крючок, приглашавший вернуться в привычную вину.
Дина положила телефон на пол и снова посмотрела на список.
Йога присутствовала в её жизни почти пятнадцать лет. Она впервые увидела людей, занимавшихся ею, на первом курсе в университетском парке. Они двигались медленно, без соревнования и видимой цели. Никто не стремился победить соседа в наклоне или получить квартальную премию за идеальную собаку мордой вниз.
В их движениях было что-то, чего Дина тогда не умела назвать. Тело казалось не механизмом, который требовалось заставлять, а живым существом, с которым можно договариваться.
Она начала ходить на занятия. Читала Патанджали, покупала книги, слушала лекции, изучала дыхание. Йога оставалась рядом как тихая комната, куда Дина иногда заходила, когда позволял график, а потом снова закрывала дверь и возвращалась в настоящую жизнь.
Последние месяцы она стала уходить до шавасаны.
Лежать неподвижно было невыносимо. Стоило телу остановиться, как тоска поднималась со дна и занимала всё пространство. Дина говорила преподавателю, что спешит, вставала, сворачивала коврик и возвращалась туда, где были звонки, задачи и люди, зависевшие от её решений.
Теперь ей впервые пришло в голову, что настоящей жизнью могла оказаться именно та тихая комната, а всё остальное стало слишком хорошо организованным коридором вокруг неё.
Вечером Дина поехала к Лине.
Та открыла дверь в домашних брюках, тёплом свитере и с трёхлетней Соней на руках. Соня спала, прижавшись щекой к материнскому плечу, но одной рукой продолжала держать деревянную лошадь, словно даже во сне не доверяла окружающим достаточно, чтобы оставить имущество без присмотра.
Из детской доносились голоса старших детей.
Он первый взял мой планшет!

Потому что ты взяла мою зарядку!

Она лежала на кухне!

Она заряжала!

Лина закрыла глаза.

Иногда мне кажется, что я живу не с детьми, а с комиссией по разделу имущества.

Могу уйти, - предложила Дина.

Даже не мечтай. Ты хотя бы разговариваешь полными предложениями.

Она отнесла Соню в спальню и вернулась через несколько минут, на ходу собирая волосы в узел. Квартира Лины была полной противоположностью Дининой. Здесь вещи не знали своих мест и, похоже, не собирались проходить аттестацию. На подоконнике лежали книги, детские рисунки, один носок и пластиковый динозавр без хвоста. На кухонном столе стояла чашка с засохшей кисточкой, коробка фиников, школьный дневник и миска с мандаринами.

Пространство казалось не убраным, а живым.

Чай? - спросила Лина.

Очень.

Еда?

Тоже.

Сначала важное. Алекс звонил.

Разумеется.

Я не сказала, где ты.

Какое благородство.

Не язви. Я между вами с университета работаю бесплатным переговорщиком, а теперь ещё и без социального пакета.

Лина поставила перед ней чайник, тарелку с сыром, орехами и нарезанной грушей.

Что случилось?

Дина взяла чашку обеими руками.

Я сегодня чуть не выбросилась из окна, увидела золотисто-синюю птицу, испытала что-то похожее на оргазм и решила стать преподавателем йоги.

Лина застыла с крышкой чайника в руке.

Потом медленно поставила её на стол.

Можно я сама выберу порядок вопросов?

Нет. Я уже выстроила драматургию.

Тогда начнём с оргазма. Так психике будет проще.

Дина засмеялась. Смех вышел хриплым и почти сразу оборвался.

Лина посмотрела на неё внимательнее.

Ты правда была за окном?

Да.

Где?

На шестнадцатом этаже.

Господи.

Крыша была закрыта.

Слава управляющей компании.

Никогда не думала, что скажу это, но да.

Лина села напротив.

Ты хотела умереть?

Дина долго смотрела в чай.

Я хотела, чтобы всё прекратилось. Это немного другое.

Для тех, кто остаётся, разница не особенно утешительная.

Не начинай про тех, кто остаётся.

А про кого мне начинать? Про Алекса?

Нет.

Он считает, ты сорвалась из-за врачей.

Он много чего считает.

Дин, я не защищаю его.

Ты всегда говоришь это перед тем, как начать защищать.

Лина поджала губы.

Я знаю Алекса со школы. Знаю тебя с университета. И последние три недели каждый из вас рассказывает мне историю, в которой второй человек слегка сумасшедший.

У Алекса история стройнее.

У него всегда хорошие презентации.

Дина улыбнулась.

Он рассказал тебе про таблетки?

Сказал, ты решила прекратить контрацепцию и потребовала либо ребёнка, либо расставания.

Моё тело решило прекратить контрацепцию. Я просто наконец его поддержала.

Он говорит, врачи не запретили тебе все способы.

Не запретили. Презервативы разрешены.

Лина вздохнула.

Да, это слабое место его презентации.

Зато очень чувствительное.

Дина.

Что?

Ты чуть не умерла. Я пытаюсь не смеяться.

Не надо. Я не для того выжила, чтобы ты теперь стала скучной.

Лина встала, обошла стол и крепко обняла её. Без советов, без объяснений, без привычного «всё будет хорошо». Дина сначала сидела неподвижно, затем уткнулась лицом в её свитер и заплакала.

Слёзы были тяжёлыми, горячими. О ребёнке, которого не стало семь лет назад. О теле, которое она заставляла терпеть. О тридцати шести годах. Об Алексее, которого любила и не могла больше впустить в свою жизнь прежним. О том, что сила, которой все восхищались, однажды привела её на подоконник.

Лина гладила её по спине.

Почему ты не позвонила?

Внутри было слишком громко. Слова бы не поместились.

А птица поместилась?

Дина отстранилась и вытерла лицо.

Она возникла из света. Синяя и золотая. Огромная.

В столице?

Я понимаю, что география снижает достоверность.

Просто уточняю уровень чуда.

Дина рассказала о первом луче, о тепле в центре груди, о пространстве между лопатками и о сне. Лина слушала, иногда хмурилась, но не перебивала.

Возможно, это адреналин, - сказала она наконец.

Возможно.

Или нервная система решила спасти себя красивым способом.

Возможно.

Или тебе действительно явилась золотисто-синяя птица.

Это звучит убедительнее.

Конечно. У тебя даже галлюцинации премиального сегмента.

Из коридора послышался топот. На кухню вошла Соня, сонная, растрёпанная, с деревянной лошадью в одной руке и синим фломастером в другой.

Мама.

Ты же спала.

Уже нет.

Это я вижу.

Соня забралась Лине на колени и посмотрела на заплаканную Дину.

Тётя Дина мокрая.

Немного, - согласилась Дина.

Почему?

Лина задумалась.

Она видела птицу.

Какую?

Синюю и золотую, - сказала Дина.

Соня слезла с колен, нашла на столе обратную сторону школьной распечатки и принялась рисовать. Сначала провела несколько широких синих линий, затем потребовала золотой карандаш. Лина достала его из коробки, где вперемешку лежали фломастеры, резинки для волос, батарейки и одна деталь конструктора, назначение которой человечеству ещё предстояло выяснить.

Через несколько минут Соня положила перед Диной лист.

Птица была круглой, синей и больше напоминала картофелину с крыльями. Золотые линии расходились от неё в разные стороны, захватывая почти всю бумагу.

Красивая, - сказала Дина.

Летит, - объяснила Соня.

Куда?

Соня пожала плечами.

Туда.

Ответ был исчерпывающим.

Лина посмотрела на рисунок.

Ну вот. Синяя птица счастья.

Она золотисто-синяя, - напомнила Дина.

У тебя всё с улучшенной комплектацией. Пусть будет Птица счастья.

Название оказалось неожиданно точным. Не потому, что птица обещала Дине счастливую жизнь. Она лишь напомнила о состоянии, которое существовало рядом с отчаянием и оказалось достаточно большим, чтобы в нём снова появился путь.

Соня положила голову на стол и почти сразу уснула.

Лина осторожно подняла её.

Уложу и вернусь. Ничего пока не меняй в жизни.

Я только посмотрю один курс.

Дина.

Посмотрю. Не запишусь.

Твоё «посмотрю» однажды закончилось квартирой.

Хорошей квартирой.

А твоё «поговорю с руководством» закончилось департаментом.

Тоже неплохим.

Поэтому сиди спокойно. Дыши. Можешь медитировать на сыр.

Лина ушла с Соней на руках.

Дина открыла ноутбук.

В поиске появилось множество школ. Ей обещали идеальное тело, пробуждение женской энергии, международный сертификат и просветление с удобной рассрочкой. На одном сайте счастливая женщина стояла на голове на берегу океана. На другом мужчина с обнажённым торсом гарантировал переход «на новый уровень вибраций».

Дина закрыла обе страницы. Птица, судя по всему, уже обеспечила ей достаточный уровень вибраций на ближайшие сутки.

На следующем сайте была фотография женщины в простой серой футболке. Она сидела на деревянном полу, скрестив ноги, без сложной позы, белых одежд и выражения человека, лично знакомого с расписанием Вселенной.

Ирина.

«Годовой курс подготовки преподавателей. Йога как практика движения, внимания и состояний».

Дина открыла программу. Анатомия, философия, дыхание, наблюдение, личная практика, работа с состояниями. Занятия по субботам. Начало через две недели.

Год казался пугающе долгим.

Несколько часов назад Дина собиралась отказаться от всей оставшейся жизни. Теперь её пугало обязательство приходить куда-то по субботам. В этом было что-то обнадёживающее.

Форма попросила написать, почему она хочет учиться.

«Хочу стать преподавателем», - напечатала Дина и стёрла.

«Хочу понять, что произошло сегодня утром».

Тоже стёрла. Слишком похоже на заявку в лабораторию по изучению аномальных явлений.

Она посмотрела на детский рисунок. Синие линии пересекались с золотыми, крылья выходили за край листа.

«Хочу найти дорогу к состоянию, в котором жизнь снова ощущается живой».

Дина перечитала фразу и нажала «Отправить».

Подтверждение пришло почти сразу.

Дина вернулась на кухню.

Ты записалась?

Нет.

Дина посмотрела на экран.

А это что?

Я подала заявку. Между этими действиями есть важное административное различие.

Я оставила тебя одну на четырнадцать минут.

На шестнадцать.

За шестнадцать минут ты успела принять решение на год.

Хороший тайм-менеджмент и никакого волшебства.

Дина тяжело вздохнула, но улыбнулась.

Дина сложила старый лист и убрала его в сумку. Рисунок Сони оставила перед собой.

Она не знала, была ли птица настоящей. Не знала, что станет с Алексом, сможет ли родить ребёнка, куда приведёт обучение и существует ли где-нибудь центр в горах у моря, который ждёт её уже двадцать пять лет.

Но настоящими были первый луч, тепло в глубине груди и пространство, внезапно раскрывшееся между лопатками.

Утром Дина не нашла ответа.

Она нашла движение.

Пока этого было достаточно.

Глава 3. Версия Алекса

Гинеколог не сказала Дине, что её организм истощён, гормональная система разрушена, а десять лет контрацепции надо немедленно искупать покоем, травами и новой жизнью. Это было одновременно хорошей новостью и небольшим разочарованием: Дина пришла с ощущением, что внутри неё давно происходит что-то крупное и драматическое, а врач упорно возвращала разговор к конкретным вещам.

Она смотрела результаты обследований, задавала вопросы про кровотечения, давление и мигрени, уточняла, бывает ли перед головной болью мерцание перед глазами, и наконец сказала:

Я бы сейчас не продолжала тот же комбинированный препарат. Особенно с учётом мигрени с аурой и эпизодов повышения давления.

Дина сидела напротив в одних носках: обувь пришлось снять для осмотра, а надеть обратно она почему-то ещё не успела.

То есть я всё-таки себя добила?

Врач подняла глаза.

Чем?

Таблетками.

Нет. Ваш организм не автомобиль с изношенной коробкой передач. Но метод, который когда-то вам подходил, сейчас может быть неподходящим. Это разные вещи.

А если вообще ничего гормонального?

Можно обсуждать. Только не в формате «гормоны плохие, натуральное хорошее». У каждого метода свои плюсы и ограничения. Если месячные у вас и без того обильные и болезненные, медная спираль, например, может оказаться не самым приятным вариантом. Если рассматривать прогестиновые методы, там тоже возможны нерегулярные кровотечения. Надо выбирать не идеальный метод на всю жизнь, а приемлемый для вас сейчас.

«Для вас сейчас».

Дина почему-то зацепилась именно за это.

Слово «сейчас» не требовало навсегда определить собственное отношение к материнству, мужчинам, сексу, гормонам и будущему. Можно было решить одну задачу сегодняшним телом.

А если никакой контрацепции пока вообще не нужно? - спросила она.

Врач посмотрела поверх экрана.

Тогда это самый простой вариант.

Дина улыбнулась.

Мужчина съехал.

Соболезную или поздравляю?

Пока сама не определилась.

Тогда универсально сочувствую переменам.

Врач снова повернулась к компьютеру.

И ещё. Если кровотечения сохраняются, приходите. Не надо терпеть их потому, что «так бывает на таблетках». Бывает многое. Вопрос в том, приемлемо ли это для конкретного человека.

Дина кивнула.

В этой фразе было что-то почти возмутительное своей простотой.

Приемлемо ли это для конкретного человека.

Она много лет умела гораздо более сложные конструкции.

Когда Дина вышла из клиники, от Алекса пришло сообщение.

«Можем сегодня поговорить? По телефону. Без приездов и драматических появлений у подъезда».

Она невольно улыбнулась.

Это был очень Алекс. Даже в напряжённом разговоре ему требовалось заранее дистанцироваться от дешёвого кинематографа.

Дина написала:

«После восьми».

Через минуту пришло:

«Спасибо. Я обещаю уложиться в хронометраж среднего европейского фильма».

Она убрала телефон.

Вот поэтому всё и было так трудно.

Если бы Алекс десять лет ходил по квартире с надписью «эгоист» на футболке, жизнь Дины была бы существенно проще.

Он умел смешить её. Помнил, какую шоколадку она любила и какой сыр ненавидит. Мог в два часа ночи поехать через полгорода, если у неё ломалась машина. Знал, что перед важной презентацией Дина всегда переставляет чашку на столе трижды, хотя сама этого не замечала. Однажды, когда она неделю почти не спала из-за тяжёлого проекта, Алекс забрал её ноутбук, поставил на верхнюю полку шкафа и сказал, что вернёт только после восьми часов сна. Дина тогда пыталась достать его со стула, Алекс стоял рядом, держал стул и смеялся, а потом всё-таки лёг вместе с ней, потому что иначе она собиралась тайно работать с телефона.

Было много хорошего.

Настолько много, что иногда Дине казалось почти неприличным вспоминать плохое.

В восемь двадцать Алекс позвонил.

Я опоздал на двадцать минут, - сказал он вместо приветствия.

Заметила.

Хотел дать тебе возможность первой пожалеть о согласии.

Заботливо.

Стараюсь исправляться.

Дина сидела на кухне с чашкой чая. На том месте, где раньше обычно лежали его ключи, теперь ничего не было.

Как врач? - спросил Алекс.

Она напряглась.

Откуда ты знаешь?

Ты сама сказала на прошлой неделе, что идёшь к гинекологу.

Я не помню.

А я помню.

Несколько секунд молчали.

Ничего страшного, - сказала Дина. - Старую контрацепцию пока отменили.

Из-за мигреней?

И давления.

Хорошо, что ходила.

Ей снова стало трудно.

Алекс действительно знал про мигрени. Семь лет он покупал те самые таблетки, знал, где лежат запасные блистеры, помнил про девять вечера лучше неё самой. Если Дина забывала упаковку в поездку, первым искал круглосуточную аптеку.

Все эти годы он участвовал в контрацепции.

Только сама необходимость постоянно предотвращать беременность почему-то оставалась прежде всего её телесной задачей.

Алекс выдохнул.

Я хотел поговорить про нас. Нормально. Без попыток кого-то вернуть.
Уже звучит опасно.
Я репетировал более нейтральное начало.
И?
Было ещё хуже.
Дина улыбнулась.
Говори.
Несколько секунд он собирался с мыслями.
Мне кажется, после нашего расставания у нас появилась какая-то очень простая версия десяти лет.
Какая?
Я не хотел ребёнка. Ты хотела. Я семь лет тебя мучил. Потом ты наконец поняла, что я негодяй, и выгнала.
Я не говорила «негодяй».
Пока.
Алекс.
Всё, серьёзно.
Его голос изменился.
Я не хочу делать вид, что ничего не произошло. Я правда испугался тогда. Очень. И повёл себя... хреново.
Дина замерла.
Он почти никогда не называл тот период так.
Когда я забеременела?
Да.
Что именно было хреново?
Алекс не ответил сразу.
Я свалил весь ужас на тебя.
Дина опустила глаза.
Я помню, что говорил, - продолжил он. - Что у нас нет квартиры побольше, что у меня работа нестабильная, что мы не готовы, что через год-два будет разумнее. Всё это тогда казалось мне очень убедительным.
А сейчас?
Сейчас тоже часть аргументов звучит логично. Только я вдруг начал думать, что весь риск почему-то обсуждал так, будто он одинаковый.
Дина молчала.
Мне было страшно стать отцом, - сказал Алекс. - А тебе было страшно всё остальное. Беременность. Аборт. Возможно, ребёнок без моей готовности. И я вёл себя так, будто мой страх автоматически важнее, потому что я громче его объяснял.
Снаружи проехала машина. Свет фар скользнул по потолку кухни и исчез.
Ты тогда сказал, что если я оставлю ребёнка, ты не знаешь, сможешь ли остаться, - напомнила Дина.
Знаю.
Ты орал.
Знаю.
Потом говорил, что испугался.
Я и сейчас так думаю.
Он помолчал.
Только «испугался» не очень хорошее оправдание тому, как я себя вёл.
Это было новое.

Не признание всей ответственности. Не раскаяние, после которого музыка становится громче и зритель понимает, что герой изменился.

Просто трещина в очень знакомой версии.

Дина взяла чашку, но пить не стала.

Почему ты говоришь это сейчас?

Потому что после твоего ухода я наконец много времени провожу без человека, который помогает мне объяснять себя лучше, чем я есть.

Я тебе помогала?

Постоянно.

Он усмехнулся.

Ты даже сейчас наверняка хочешь сказать, что я был молодой, испуганный, у меня тогда были проблемы на работе и мой отец как раз...

Дина действительно собиралась вспомнить его отца.

Замолчала.

Алекс коротко рассмеялся.

Вот.

Что «вот»?

Ты меня понимаешь быстрее, чем я успеваю понять себя.

Она почувствовала раздражение.

Теперь это тоже моя вина?

Нет. Моя удобная среда обитания.

Дина не ожидала и засмеялась.

Прекрасно.

Я серьёзно.

Он тоже улыбнулся, но продолжил уже тише:

Я семь лет говорил, что не готов к ребёнку. И каждый раз думал: я же честен. Я ничего тебе не обещаю. Не вру. Не заставляю ждать.

Дина поставила чашку.

Я ждала.

Да.

И ты это знал.

Пауза.

Знал.

Вот это прозвучало тяжелее всего.

Тогда почему продолжал?

Алекс долго молчал.

Потому что мне нравилась наша жизнь.

Дина закрыла глаза.

Великолепно.

Я предупреждал, что разговор будет не очень.

Продолжай.

Мне нравилось жить с тобой. Нравился наш дом, секс, поездки, то, как мы разговаривали. Нравилось, что ты есть. Я не хотел ребёнка и не хотел тебя терять. И поскольку ты оставалась, я решил, что, значит, такой вариант тебя всё-таки устраивает.

Несмотря на то что я говорила обратное.

Да.

Удобная логика.

Очень.

В его голосе не было привычного желания отбиться.

Я сейчас думаю, - продолжил Алекс, - что под словом «честность» у меня долго пряталась довольно выгодная конструкция. Я говорил: «Я не готов», и считал, что сделал свою часть. А потом жил дальше так, будто твоё решение остаться означает согласие ждать сколько понадобится.

Дина чувствовала сразу две противоположные вещи.

Ей хотелось, чтобы он понял это семь лет назад.

И хотелось слушать сейчас.

А что изменилось бы, если бы ты понял? - спросила она.

Не знаю.

Вот именно.

Возможно, мы расстались бы раньше.

Дина вздрогнула.

Алекс продолжил:

Или я бы быстрее понял, хочу ли вообще детей. Или ты перестала бы жить внутри моего «потом». Не знаю. Но сейчас мне кажется, что честнее было бы не только сообщать тебе о собственной неготовности, а видеть, чего эта неготовность стоит тебе.

Дина смотрела на пустое место от его ключей.

Ты всё ещё не хочешь детей?

Он помолчал.

Я всё ещё не знаю.

Ответ неожиданно понравился ей больше, чем если бы он вдруг сообщил о прозрении и троих желаемых младенцах.

Хорошо, - сказала она.

Почему хорошо?

Потому что ты хотя бы не исправляешь историю задним числом.

Алекс усмехнулся.

Не дождёшься. Я пока развиваюсь медленно.

Они немного помолчали.

Потом он сказал:

Но я не согласен с другой частью твоей версии.

Дина напряглась.

Какой?

Что последние десять лет ты почти ничего не выбирала сама.

Я такого не говорила.

Не этими словами.

Вот он.

Знакомый Алекс снова появился рядом с новым.

Ты очень легко сейчас рассказываешь нашу историю так, будто всё происходило с тобой, а я решал, - продолжил он. - Но ты оставалась. Ты сама соглашалась на контрацепцию. Сама после аборта решила не уходить. Я не держал тебя.

Дина почувствовала, как внутри мгновенно поднимается защита.

И одновременно услышала: часть этого тоже правда.

Она действительно оставалась.

Именно поэтому всё было сложнее, чем виновник и жертва в одной длинной истории.

Я оставалась, - сказала она.

Да.

Но ты прекрасно знал, почему.

Потому что любила меня.

И потому что верила твоему «потом».

Алекс вздохнул.
Дин, я тоже в него верил.
Семь лет?
Первые годы точно.
А потом?
Пауза затянулась.
Потом, наверное, перестал об этом много думать.
Вот она.
Ещё одна трещина.
А я продолжала.
Знаю.
Нет. Сейчас знаешь.
Алекс не ответил.
Дина услышала его дыхание.
Возможно, - сказал он наконец.
Это была почти сдача.
И почти новая попытка оставить лазейку.
Очень Алекс.
После разговора Дина долго не могла уснуть.
Не потому, что захотела вернуть его.
Этого как раз не произошло.
Гораздо хуже было другое: Алекс снова стал объёмным.
Не человеком, который семь лет использовал её ожидание.
Не любимым мужчиной, которого она незаслуженно бросила.
И то и другое помещалось в нём одновременно.

Он мог ночью ехать за её лекарством и годами не замечать, чего ей стоит необходимость его принимать. Мог действительно испугаться беременности и при этом заставить беременную женщину выдерживать ещё и его ужас. Мог искренне верить в собственное «потом», а позже просто перестать задавать себе вопрос, наступило ли оно.

Дине хотелось сложить всё в одну правильную картинку.
Не получилось.
Телефон лежал рядом.
Алекс прислал сообщение:
«Спасибо, что выслушала. Я знаю, что половина из сказанного тебе не понравилась».
Дина прочитала.
Начала печатать большой ответ.
Стерла.
Написала:
«Мне тоже не всё во мне нравится».
Посмотрела.
Стерла и это.
В конце концов не ответила ничего.
Годовое обучение начиналось в воскресенье в девять утра.
Дина приехала в восемь сорок две и обнаружила, что почти все уже на месте.
«Психи», - подумала она с уважением.

В зале было человек двадцать. Женщины и мужчины разного возраста, кто-то уже в идеальной форме сидел на коврик с закрытыми глазами, кто-то пил кофе из бумажного стакана, одна девушка у окна пыталась незаметно доесть бутерброд.

Ирина вошла без музыкального сопровождения, белых одежд и выражения лица человека, которому известна тайна Вселенной.

Ей было около пятидесяти. Тёмные волосы собраны сзади, простые чёрные брюки, свободная футболка. Она поставила на пол термос и сказала:

Доброе утро. Сразу предупреждаю: просветление в программу не входит.

Кто-то засмеялся.

Дина тоже.

Зато входят анатомия, практика, наблюдение, методика преподавания и некоторое количество неприятных открытий про собственные привычки. Последнее бесплатно.

Отлично.

Дина окончательно решила остаться.

Они начали с представления.

Люди называли имя, опыт практики и причину, по которой пришли учиться. Кто-то хотел преподавать. Кто-то углубить личную практику. Женщина лет сорока сказала, что пришла «открыть сердечный центр».

Ирина кивнула.

Если найдём крышку, обязательно.

По залу снова прошёл смех.

Когда очередь дошла до Дины, она сказала:

Дина. Практикую давно, нерегулярно. Хочу лучше управлять состоянием.

Ирина посмотрела на неё.

Чьим?

Своим.

Уже легче.

А что не так?

Ничего. Просто сначала посмотрим, кто кем управляет.

Следующие полчаса они ходили по залу.

Дина ожидала асан.

Вместо этого Ирина просила двигаться в обычном темпе, потом медленнее, замечать стопы, положение головы, дыхание, момент остановки. Иногда давала странные задания: изменить направление до того, как появится привычное желание это сделать; выбрать место в зале и потом уйти оттуда; заметить, кого хочется пропустить вперёд.

Дина сначала выполняла.

Потом начала анализировать.

Через десять минут Ирина прошла рядом.

Уже строишь модель?

Дина вздрогнула.

Что?

У тебя лицо человека, который сейчас объяснит группе закономерность.

Я просто наблюдаю.

Прекрасно. Попробуй пока без вывода.

Это оказалось существенно труднее.

После перерыва они работали парами.

Дине досталась высокая женщина по имени Оксана, врач-стоматолог, которая выглядела так, будто ей совершенно невозможно отказать в лечении.

Встаньте друг напротив друга, - сказала Ирина. - Один идёт вперёд. Второй говорит «стоп» там, где ему уже достаточно близко. Никаких причин не надо.

Оксана пошла первой.

Дина наблюдала, как расстояние между ними сокращается.

Два метра.
Полтора.
Метр.
«Наверное, уже».
Оксана продолжала.
«Сейчас».
Ещё шаг.
Ей стало неприятно.
Оксана приблизилась почти вплотную.
Стоп, - сказала Дина.
Ирина, стоявшая неподалёку, повернулась.
Почему так поздно?
Нормально же.
Я не спрашивала, нормально ли.
Дина посмотрела на Оксану.
Та пожала плечами.
Я могу ещё ближе. У меня работа такая.
Все трое засмеялись.
Ирина сказала:
Ещё раз.
Оксана вернулась назад.
Пошла.
На этот раз Дина сказала:
Стоп.
До неё оставалось около метра.
Оксана остановилась.
Вот и всё.
Никто не обиделся.
Не спросил почему.
Не потребовал доказать, что метр физиологически обоснован.
Ирина уже ушла к другой паре.
Оксана улыбнулась.
Удобнее?
Дина прислушалась.
Да.
Значит, отлично.
Потом они поменялись.
Дина шла к Оксане. Та сказала «стоп» почти сразу.
Так далеко? - невольно спросила Дина.
Оксана подняла брови.
Ага.
Дина рассмеялась.
Поняла.
Молчу.
Быстро учишься.
Следующее упражнение оказалось ещё глупее.
Ирина попросила их сказать партнёру несколько обычных фраз и заметить, что происходит с телом.
«Мне надо».

«Я должна».

«Я хочу».

«Я выбираю».

Дина заранее решила, что это лингвистическая эзотерика.

Оксана сказала:

Мне надо завтра позвонить матери.

Плечи у неё едва заметно поднялись.

Потом:

Я хочу завтра позвонить матери.

Она сама рассмеялась.

Вру.

Значит, отличное упражнение, - сказала Дина.

Твоя очередь.

Дина сказала:

Я должна поговорить с Алексом.

Живот сразу напрягся.

Она замолчала.

Оксана ничего не комментировала.

Теперь «я выбираю», - напомнила она.

Дина попробовала:

Я выбираю поговорить с Алексом.

Тело не расслабилось.

Стало даже хуже.

Не выбираешь? - спросила Оксана.

Похоже.

Тогда не мучай язык.

Дина неожиданно засмеялась.

Ирина проходила между парами и слышала.

Хорошо. Фраза не обязана стать приятной только потому, что мы заменили слово. Речь помогает заметить отношение, а не заколдовать реальность.

Дина посмотрела на неё с благодарностью.

Вот это ей подходило больше.

К концу дня тело болело в местах, существование которых офисная жизнь позволяла успешно игнорировать.

Ирина посадила всех в круг.

Последнее на сегодня. Ладонь можно положить на грудную клетку, если комфортно.

Дина положила руку на середину груди.

Если вам близка карта сердечного центра, не представляйте его кнопкой вот здесь, - Ирина коснулась груди. - Тело объёмное. Дыхание движет рёбра во все стороны. Попробуйте почувствовать не только переднюю поверхность, но и пространство внутри грудной клетки, спину, область между лопатками.

Дина закрыла глаза.

Сначала ничего особенного.

Дыхание.

Ладонь.

Спинка спортивного топа касается кожи.

Потом на вдохе рёбра действительно чуть разошлись не только вперёд.

За спиной появилось пространство.

Совсем небольшое.

И неожиданно вспомнилась Птица.

Первый луч.

Золотисто-синие крылья.

Дина открыла глаза.

Ирина как раз говорила:

И не надо сейчас решать, открыт у вас сердечный центр или закрыт. Оставьте диагнозы врачам и дверям. Сегодня достаточно почувствовать, что грудная клетка существует ещё и сзади.

Женщина, которая утром пришла «открывать сердце», засмеялась громче всех.

Дина тоже.

На выходе Ирина догнала её у лестницы.

Дина.

Да?

Можно вопрос?

Дина напряглась.

Можно.

Когда в упражнении партнёр шёл к тебе, ты довольно долго хотела сказать «стоп» раньше, чем сказала.

Откуда вы знаете?

Я смотрела.

А.

Ирина застегнула куртку.

Почему ждала?

Дина подумала.

Не хотелось выглядеть странно. Она же ничего плохого не делала.

Ирина кивнула.

Понятно.

И всё.

Никакого «вот ваша травма».

Никакого объяснения, что Дина плохо чувствует границы.

Ирина уже собиралась уходить.

И это всё? - спросила Дина.

А что ещё?

Не знаю. Вы же преподаватель.

Именно поэтому пытаюсь не портить хороший вопрос быстрым ответом.

Она улыбнулась и пошла вниз.

Дина осталась на лестнице.

Телефон завибрировал.

Алекс.

«Как первый день секты?»

Дина невольно рассмеялась.

Вот такой он тоже был.

Она написала:

«Пока человеческих жертв не было».

Ответ пришёл сразу:

«Разочарован. За годовые курсы могли бы обеспечить хотя бы одну».

Дина уже начала печатать что-то ещё.

Остановилась.

Перед глазами вдруг появилась Оксана, остановившаяся в метре от неё после простого «стоп».

Без вопроса.

Без обиды.

Без необходимости объяснить.

Дина убрала телефон в сумку.

На улице было холодно. Она застегнула пальто и пошла к машине.

Ответить Алексу можно было позже.

А можно было вообще не отвечать.

Оба варианта почему-то впервые ощущались настоящими.